

УДК 94(100)

ГРНТИ 03.23.55: ИСТОРИЯ РОССИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (С XX В.)

ОБРАЗЫ МИРОВЫХ ВОЙН: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯDOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2019.7.68.435](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.7.68.435)**Коришнова Ольга Николаевна***Доктор исторических наук, профессор кафедры
Государственного, муниципального управления и социологии
Казанского национального исследовательского университета, г. Казань***Поливанов Ярослав Мстиславич***Кандидат исторических наук, доцент кафедры
Государственного, муниципального управления и социологии
Казанского национального исследовательского университета, г. Казань***АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена трактовке мировых войн XX века, факторам мифологизации и деформации образов войны, дискурсам виновности противоборствующих сторон и версии превентивного характера Великой Отечественной войны. Все эти аспекты рассмотрены в связи с феноменом коллективной исторической памяти.

ABSTRACT

The article is devoted to the interpretation of world wars of the twentieth century, factors of mythologization and deformation of war images, discourses of guilt of the warring parties and versions of the preventive nature of the Great Patriotic War. All these aspects are considered in connection with the phenomenon of collective historical memory.

Ключевые слова: мировые войны, коллективная память, историческое сознание, образы войны, пропаганда

Keywords: world wars, collective memory, historical consciousness, images of war, propaganda

История Второй мировой войны в современной ситуации превратилась в арену весьма экстравагантных толкований и сомнительных переписываний привычных интерпретаций. Деформации памяти усугубляются активными попытками реабилитировать идеологию и практику фашизма, приписать ему цивилизаторскую роль. Подобные мифологемы – искажение исторической реальности и переписывание истории по конъюнктурным, сиюминутным соображениям являются целенаправленной деконструкцией образов Второй мировой войны с вполне определенным и геополитическим контекстом.

В последние годы за рубежом и в России получил распространение, если не популярность, тезис о том, что минувшая война была противостоянием двух тоталитарных режимов, двух диктатур за мировое господство. В таком ракурсе вина за развязывание самой кровавой войны в истории возлагается равновелико и на Германию, и на СССР. Встречаются попытки вписать гитлеровский режим в координаты морали.

Тенденцией целого пласта публикаций конца 1980-1990-х гг. стало появление сенсационных по сравнению с предыдущим периодом версий, ставивших под вопрос вину руководства фашистской Германии за развязывание войны. Это означало радикальный поворот в трактовке образа Германии, что породило всплеск дебатов в общественных и исторических кругах не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья. Дискуссионный режим обсуждения проблем, связанных с образами войны, активизировал исследования историков-профессионалов, в том числе по проблеме коллективной памяти о войне.

В гуманитарной науке принята точка зрения, что коллективная историческая память упорядочивает фрагментированную повседневность. Ее контуры и приоритеты, а равно и трансформации определяются не только объективными процессами и ментальной спецификой. В её формировании вольно или невольно участвуют помимо профессиональных политиков публицисты и историки. Историческая память – это конструкция, результат сознательного и бессознательного взаимодействия разнонаправленных факторов. В понятие память объединена совокупность представлений о прошлом, которые в данный момент становятся доминирующими и образуют нечто вроде разделяемого большинством конструкта. Память предстает источником национальной идентичности, чувства причастности к конкретному социуму, который через общие представления и толкования узнает и позиционирует себя в общем прошлом и настоящим. В памяти о Великой Отечественной войне тесно связаны память народа и обобщенная реконструированная память, сконцентрированная в исторической и художественной литературе, телепрограммах, песнях, художественных фильмах. Отдельное место в ее формировании принадлежит СМИ и учебникам истории.

Историческое сознание охватывает и существенные, и случайные события, и систематизированную информацию (система образования), и неупорядоченную, порой хаотически неупорядоченную информацию. Случайная информация, в том числе по истории войны, часто опосредована культурой окружающих

человека людей, в какой-то мере традициями и обычаями, которые несут в себе представления о жизни народа и страны. Историческая память это определенным образом сфокусированное сознание, отражающее значимость информации о прошлом в ее связи с настоящим и будущим. Историческая память избирательна, акцентируя внимание на одних исторических событиях и игнорируя другие. Она нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных личностей формируются впечатления и нравственные ценности.

В отличие от индивидуальной истории в реконструированной коллективной памяти факты, события и процессы выступают в осмысленной, систематизированной форме. Поэтому бытующая память о войне являет собой весьма противоречивый комплекс истинных и ложных знаний, понятий и образов.

Особым маркером и фактором, влияющим на состояние исторической памяти, служит умножение этнополитических границ: распад Советского Союза имел следствием и мозаичную множественность трактовок истории Мировых войн, прежде всего Второй мировой войны. Образы Великой Отечественной войны представляют собой обобщенное отражение действительности, формируемое пропагандой враждующих сторон, чувственно-рациональное воспроизведение прошлого, структурно перекликающееся с историческим нарративом. В научной литературе утвердилось понятие образов Германии, фашизма, врага, образ Родины, народа, Победы, изучение которых с современных методологических позиций только начинается.

Глобальный исторический масштаб Второй мировой и Великой Отечественной войн по сей день рождает полярность оценок природы, характера и последствий войны. Приходится констатировать, что историография, мемуарные издания, официальные оценки войны мировой отягощены балластом холодной войны. В учебной литературе нередко наблюдается схематизм постановки концепта личностно-гражданского поведения, упрощенность мотивов поведения социумов и отдельных участников событий и процессов. Анализ эволюции, динамики и концептуальных моментов в изучении войны предполагают синтез военно-исторического и политического анализа. К позитивным векторам следует отнести поворот от событийной к истории народной, массовой. С другой стороны, акцентирование внимания к психологии «человека воюющего» означает переход от макроистории (истории-эпопеи) на уровень микроистории. Следует заметить, что на Западе к человеческому измерению истории обратились два-три десятилетия назад. В России эта тенденция прослеживается с середины 1990-х гг. Если раньше зачинщиками и участниками войны представляли весьма абстрактные конструкты, обозначенные как «аспекты», «элементы», «факторы», то ныне востребован междисциплинарный подход с

культурно-историческими и историко-психологическими акцентами [С.7,34].

В исторической литературе в течение длительного времени пристальное внимание уделяется военному планированию. Германии и Советского Союза в 1940-1941 гг., доктрине блицкрига, «превентивного удара» и советского «ответного удара». Советским войскам даже по получении приказа о боевой готовности предписывалось «содержаться рассредоточено и никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить». Напрашивается предположение: если бы существовал план нападения на Германию 6 июля 1941 г. (по версии В.Суворова), Сталин отдал бы приказ о переходе к более активным действиям. Если у СССР были самые агрессивные планы и командиры, самая сильная армия мира, неужели Сталин стал бы ждать 1-2 недели, ничего практически не решавшие, поскольку переформирование РККА предполагалось завершить лишь к осени 1941-го?

Кроме того, отмечают исследователи, в случае нападения на Германию наша страна автоматически превращалась в союзника Британии и вступила бы в борьбу за освобождение от фашизма с шансом закончить войну гораздо скорее и без уничтожения миллионов жизней на фронтах и в концлагерях [8, С.22].

В историографии войны до сих пор есть недостаточно изученные сюжеты. Если история и ход военного противостояния в годы войны изучены достаточно детально, то история и содержание пропагандистского противостояния, пропаганды как механизма формирования исторических образов, мифов и идеологем войны изучена недостаточно либо клишировано. Между тем именно пропаганда противоборствующих или готовившихся к противоборству сторон заложила традицию конструирования образов врага, включая потенциального, образ Отечества [4, 34]. Изучение образов войны ныне корректирует и углубляет представления о мотивации советских людей, позволяет сопоставить пропагандистские технологии противоборствующих сторон. Истоки Второй мировой войны восходят к политизации международных отношений, их сверхидеологизации с подтекстом противостояния нацизму как предельной форме геополитического расизма. Выявление геополитических и ментальных факторов, обусловивших критический характер катастрофы для цивилизации как таковой приближает нас к выявлению новых ракурсов социологии войны [6,15].

Содержание образа врага обусловлено спецификой и историей межгосударственных отношений в предыдущие периоды. Представляется обоснованным предположить, что с учётом памяти о Первой Мировой войне образ Германии как потенциального противника был в СССР к 1939г. уже сконструирован, и влияние на него Пакта Молотова – Риббентропа не было столь существенным. Наиболее негативным следствием подписания этого документа стало отсутствие

последовательной, целенаправленной разъяснительной пропагандистской работы. Это дезориентировало массовое сознание, негативные последствия чего усугублялись слабостью материально-технической базы советской агитационной машины. Нельзя не упомянуть и тот факт, что на момент нападения 22 июня 1941г. Германия уже несколько лет находилась в состоянии войны, и её пропагандистские технологии были в полной мере отлажены, а ведомство Геббельса было мобилизовано на военные нужды.

Существенную роль в противостоянии пропагандистских структур сыграл факт сознательного отказа советским руководством в 1920–1930гг. от изучения опыта Первой Мировой войны. В этой ситуации советская пропаганда, для которой опыт недавнего военного прошлого был табу, подчинилась установке на тотальный пересмотр истории России как таковой. Результатом стало то, что всё приходилось начинать с чистого листа.

О неутешительности итогов пропагандистской работы царских служб в 1914–1917 гг. с их главным лозунгом о защите сербов от притязаний австро-венгерской короны в предвоенное время свидетельствует генерал А.А. Брусилов. Анализ неудач царской армии в годы Первой Мировой войны позволил ему заключить: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя». Одним из итогов такой информационной политики, точнее, её отсутствия, можно считать полностью распропагандированную армию в канун революции.

Большевики же отводили войне идей принципиальную, если не главенствующую роль, и политической пропаганде в СССР уделялось 1920–1930-е гг. большое внимание. Однако в сюжетах советских пропагандистских кампаний 1930-х гг. существовал пробел – анализ уроков Первой мировой войны. В то же время германская пропаганда межвоенного периода продолжала педалировать хорошо обкатанные ранее установки. В конечном счёте, идеология кайзеровской Германии – «Mitteleuropa» вполне подходила и для Третьего рейха. Гитлер лишь оформлял её в соответствии с национал-социалистическими догмами, не забывая упоминать о праве Германии на реванш за проигранную войну. Наглядным примером преемственности политики Второго и Третьего рейха по формированию общественного

мнения является сюжет, описанный А.Н. Уткиным. Автор приводит обращение к солдатам командира 3-й немецкой армии генерала фон Айнема после окончания боевых действий: «Непобеждённые, вы окончили войну на территории противника». Легенда начала свою жизнь, чтобы лелеять идеи реванша – заключает автор упомянутой книги. Действительно, Веймарское правительство не было склонно к раздуванию подобных настроений, но несостоятельность версальской системы была очевидна. Любой немецкий политик, строивший свою линию на обвинении «Веймарского правительства» в предательстве, был запрограммирован на успех.

Несомненно, Первая Мировая война для политтехнологов Третьего рейха являлась одним из стержневых факторов мифологем. В то же время советская сторона пренебрегала осмыслением своего недавнего военно-исторического прошлого, акцентируя внимание на значении завоеваний Октября 1917 года. Идеологема сыграла положительную роль в гражданской войне, но оказалось бесполезной в ходе подготовки к войне 1941–1945гг. [5]

И в канун войны, и на протяжении военных лет образ Германии формировался при четком разграничении образов немецкого народа с одной стороны и правящей верхушки Германии с другой. В таком ракурсе очевиден гуманистический аспект советских образов войны. Факторами складывания и эволюции образов войны в 1941–1945 гг. были: обстановка на фронтах, степень критичности ситуации 1941–1942 гг., объективно гуманистическая миссия СССР во Второй мировой войне, масштаб людских и материальных жертв, мобильность пропагандистских структур, размах использования культурно-пропагандистских средств, включая кинофотоматериалы, степень их адекватности реальной обстановке.

Проблема и угроза фальсификации истории в современном мире встроена в контекст исторических факторов политического развития. Позицию нерешительной диалектики (принцип нерешительности) отстаивает американский историк, профессор университета Вирджинии Алан Мегилл. Предлагая свои контуры исторического мышления, автор монографии по исторической эпистемологии отстаивает постулат о том, что истинный историк «счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками и утверждениями» [2, с.72]. История, по версии мэтра, состоит и в рассказе, и в памяти о прошедшем. Память как часть коллективного бессознательного, сама по себе обрекает историка на риск фальсификации. Мегилл отмечает интерес к подлинности (памяти и историческому пониманию). Пока историческая литература устанавливала соотношение истории – подлинности – памяти, «не удавалось исследовать отношения между историческим пониманием и проблемой подлинности». Литература сфокусировала внимание больше на том, как история и память

содействовали реализации предполагаемых подлинностей [3, с.57]

Использование комплекса исторических источников, включая визуальные и аудиозаписи, кинохронику, позволяет приблизиться к подлинности содержания эпопеи борьбы народов антифашистской коалиции, в первую очередь советского народа против фашизма с его попыткой установить «новый порядок» в мире. Думаем, что наряду с новыми публикациями в контексте поиска «белых пятен», автобиографий важно не оставлять «за кадром» публикации советские, мемуары участников войны, которые вызывают к новому прочтению.

Список литературы

Репина, Л.П. Коллективная память и мифы исторического сознания. Сотворение истории. Человек. Память. Текст: цикл лекций./ отв. Ред .Е.А.Вишленкова/Л.П.Репина// –Казань: Мастер-Лайн, 2001. –С.321-360.

Мегилл, А. Историческая эпистемология./А.Мегилл – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. –480с.

Мегилл, А.История, память, подлинность.// Историческая память и диалог культур. –Казань: Изд-во КНИТУ,2013.-С.55–61.

Коршунова, О.Н., Поливанов Я.М. Фальсификация образов Великой Отечественной войны: к проблеме формирования коллективной исторической памяти./О.Н.Коршунова// Вестник Чувашского университета. 2012. №1.С.48-53.

Поливанов, Я.М. Историческая память о Первой Мировой войне: к истории советской пропаганды (1920-1930-е гг.)// Историческая память и диалог культур/Я.М. Поливанов //Казань: Изд-во КНИТУ,2013. С.262-271.

Поливанов, Я.М. Образы мировой войны: версии и реалии/Я.М.Поливанов. –Казань: Шаг-полиграф,2013.216 с.

Поляков А.С. Категория «воинственность» как проблема военной истории//Клио.2006.№1.С.34–38.

Морозов А.В., Телишев В.Ф. Немецкое и советское военное планирование накануне Великой Отечественной войны./А.В.Морозов// Фронт, тыл, наука.:Сб статей Всерос. науч.-практ.конф. – Казань: Изд-во КНИТУ,2016.С.12–24.

ИСЛАМ В МЬЯНМЕ

Софиева Камаля Махад кызы

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры
Истории стран Азии и Африки
Бакинского Государственного Университета*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена положению мусульман - рохинджа в Мьянме, трениям между буддистскими и мусульманскими сообществами. В статье указывается, что в преимущественно населенной буддистами Мьянме, имеются многочисленные межнациональные, межконфессиональные конфликты. Автор рассматривает проблему правового статуса мусульман - рохинджа в этой стране, а также отмечается, что этот конфликт уходит корнями в колониальную эпоху.

ABSTRACT

This article dedicated to position of muslim - rohingias' in Myanmar, and also clashes between buddists and muslim communities. In article were written about a lot of interfaith and international conflicts in Myanmar, mainly living countries for buddists. The author describes legal status problems of muslim - rohingias in this country and also indicates that this conflict rooted in colonial period.

Ключевые слова: Юго - Восточная Азия, Мьянма, Аракан, рохинджа, Ислам

Key words: The South - East Asia, Myanmar, Arakan, rohingiya, Islam

Будучи расположена на крайнем северо - западе региона Юго - Восточной Азии, Мьянма (Бирма) находится в отдалении от его географического центра и в то же время, как никакая другая страна ЮВА, имеет протяженные границы с регионами Южной и Восточной Азии, находится на стыке буддистского и исламского миров. Мьянма - страна полиэтническая, многонациональная. По переписи населения Мьянмы 1983 года, национальное большинство страны составляли бирманцы - 69% всего населения, другие коренные этнические группы - 25,7%, родившиеся от смешанных и с иностранцами браков - 5,3%. Таким образом, небирманская этническая группа в целом составляла свыше 30%. Религиозная структура населения страны по переписи того же года

представляла собой следующую картину (% от всего населения): буддисты - 89,4; христиане - 4,9; мусульмане - 3,9; хинду - 0,5; анимисты и другие - 1,3. Мусульман больше всего в Ракхайне (Аракане) - 28,5% [1, с. 9 - 12].

Основная масса многонационального населения Мьянмы исповедует буддизм тхеравады (около 90%). В последующие годы численность мусульманской общины в стране оценивалась не более чем 5%. Последняя перепись населения была проведена в апреле 2014 года, согласно которой население Мьянмы составляло 51,4 млн. человек, однако к ноябрю 2015 года данные по этническому и религиозному составу еще не были опубликованы. Как отмечает кандидат экономических наук А. А. Симония, мусульмане составляли уже от 8% до 12% населения страны,